

Однажды в начале прошлого века гейдельбергский профессор Карл Хампе сказал: «история не терпит сослагательного наклонения». И с тех пор все эту аксиому повторяют и повторяют на разные лады. Говорят, даже Сталин повторил. Да ведь с этим и не поспоришь! Но как же тянет порой порассуждать, а что было бы, если бы Наполеон родился девочкой, Гитлер нашёл себя в живописи, Эйнштейн занялся кролиководством, Ницше стал кондитером, а Фидель Кастро трудился простым рыбаком? Понятно, что скорее всего большие войны всё равно случились бы, хотя, возможно, с другим исходом, и кто-то рано или поздно сказал бы, что бог умер, а кто-то додумался до способа расщепления атомного ядра... Но вот вопрос: изменилось бы в этом случае в истории человечества что-то принципиально? Да-а-а... Как бы, например, выглядел советский атомный проект, если бы у одного болгарского священника – попа Димитра не родился сын Константин. А у Константина не родился бы сын Александр, а у того в свою очередь не родился сын Николай?

I.

Сливенский поп Димитр тихо брёл пыльной улицей из храма к дому. Миновал постоялый двор, лавку старого Атанаса, площадь со старым вязом, про который говорят, что ему уже полтысячи лет; шёл, рассеянно глядя под ноги, не замечая здоровавшихся с ним прихожан, не слыша ни близкого журчания ручья, что несёт свои воды в речку Селишну, ни резкого крика ласточек над головой. А голова его была занята мыслями невесёлыми. Один из сыновей Димитра – Константин ушёл добровольцем в отряд самого Христо Ботева. Христо – неистовый революционер и поэт – недавно вернулся из России, где получил образование, и с головой окунулся в борьбу за освобождение Болгарии. Сам Димитр по-своему тоже боролся – просвещал единоверцев, организовал в Сливенчиталище, где завёл богатую по тем временам библиотеку. Формально читалище считалось заведением светским; для посетителей – и детей и взрослых – организовывались здесь лектории, встречи с врачами, юристами, людьми искусства. Однако же и богословы приглашались нередко – кто-то же должен был не явно, так тайно поддерживать забитую, загнанную в подполье христианскую веру. Да и сам Димитр, хорошо зная греческий, перевёл на болгарский не одну церковную книгу. Особенно же

кропотливо работал над переводом Евангелия. Книга, считал Димитр, сделает болгарский народ умным, сильным и самостоятельным. Но одно дело – книга и слово, и совсем другое – ружьё в руках и поле брани.

Три сына и две дочки в семье сливенского попа Димитра, да вот как бы не стало одним меньше...

...Православная Болгария, столетиями томившаяся под турками, словно проснулась и кипела, казалось, вот-вот – и османское иго падёт. То там, то тут вспыхивали мятежи, то там, то тут возникали партизанские отряды. В соседней Румынии действовал нелегальный Болгарский революционный центральный комитет, в окрестностях Софии росла подпольная организация. «Апостолы» освободительного движения Стефан Стамболов, Стоян Заимов, Панайот Волов и их сливенский «апостол» Илларион Драгостинов собирали силы для большого восстания, которое планировалась на весну 1876 года. И вот в это-то беспокойное, пахнущее кровью время любимый сын Димитра Константин ушёл к повстанцам.

Про предстоящее восстание знали многие, но никто не донёс, никто не предал. Всем миром готовили снаряжение и продовольствие, покупали оружие и порох, ремесленники отливали пули и набивали патроны, шили сумки и патронташи, изготавливали ремни, обувь и другое снаряжение. И всё же к началу восстания лишь около пяти тысяч повстанцев имели оружие. Однако «апостолы» очень надеялись, что и невооружённое население вступит в схватку. И без оружия можно портить железные дороги, мосты и телеграфные линии, следить за передвижением турок, поджигать склады с боеприпасами. Даже женщины сушили и толкли жгучий перец, чтобы бросать в глаза турецким солдатам.

Начать восстание планировалось первого мая, но турки напали на след одной из подпольных организаций и девятнадцатого апреля той пришлось дать бой. Следом польхнуло по всей Болгарии. Когда небольшой – менее трёхсот человек – отряд Ботева начал свой рейд от границ Румынии к Софии, ещё была надежда на благополучный исход, но день ото дня турки действовали всё жёстче и один за одним гасили очаги сопротивления.

Поначалу дела группы Ботева складывались успешно. Отряд, в котором кроме болгар воевали два албанца, босниец, черногорец и даже один латыш, подданный Российской империи, шёл с боями от побережья Чёрного моря к Софии. Но чем ближе они продвигались к столице, тем тяжелее были стычки с турками. Константин начал понимать, что силы слишком неравны и победы не будет, но он понимал и то, что другого пути у болгар не будет. Пусть эта попытка окажется неудачной, будет следующая, а если надо, то и следующая. Сидя ночами у костра в лесах Стара-Планины, Константин вспоминал отца, братьев и сестёр, думал – удастся ли увидеть их ещё. Отряд их таял и тяжёлые предчувствия давили на сердце.

До Софии оставалось чуть больше ста вёрст, когда отряд Христо Ботева наткнулся на турецкие войска. Это были не неумелые редифы из резерва, а хорошо обученные и отлично вооружённые низамы – регулярные армейские части.

Солнечным майским днём под городом Варца отряд вступил в последний бой с турками. Константин видел, как один за другим падали его товарищи, сражённые пулей или турецкой саблей. Вот и неистовый Христо Ботев упал навзничь, застреленный турецким башибузуком. Константин не узнал, выжил ли кто-нибудь в этом бою: пуля ударила в грудь, и он упал в ласковую майскую траву, жалея только о том, что не увидится больше со своими родными, не пройдёт каменистыми улочками Сливена, не искупается в прохладной Селишне...

Кто знает, не молитвы ли сливенского попа Димитра отвели от тяжело раненого Константина турецкий штык или пулю башибузука. Видимо турки решили, что окровавленный, крестом раскинувший руки

повстанец мёртв и не стали добивать, как остальных раненых полёвшего в бою отряда. Ночью местные жители забрали его едва живого и увезли в Софию, куда они с отрядом так упорно двигались с оружием в руках...

Оставаться на родине было опасно и, едва оправившись от тяжёлого ранения, Константин эмигрировал в Россию. Русские сердечно отнеслись к беженцам. Помогали обустроиться, получить образование.

– Какую фамилию вписать в ведомость? – спросил писарь, когда оформлял Константина при поступлении в Одесское юнкерское училище, куда направил его комитет помощи болгарам-изгнанниками. Вопрос не праздный, ведь у болгар в те времена фамилий не было, их заменяли отчества или отцовские прозвища. – Можно по отцу – Дмитриев, а можно по отцову занятию – Попов.

– По отцу, – ответил Константин, – Дмитриев...

И началась у болгарина Константина Дмитриева новая, русская жизнь. Служба в русской армии, любовь, рождение сына Саши, а следом и дочки Марии. И мечта навестить родные края, родной Сливен. И. может быть, эта его мечта сбылась бы, но грянула русско-японская война и повез его неспешный поезд не на запад, а прямо в противоположную сторону – на Дальний восток. Выжил Константин и в пожаре восстания, и в огне русско-японской, но до дома не добрался, где-то посреди бескрайней Сибири прямо в дороге, в поезде умер от апоплексического удара...

Александру шёл тринадцатый год, когда его постигла горечь утраты. Дядя мальчика вопрос, кем быть, не стоял: военная служба. Как говорится, по стопам отца – кадетское училище в Полоцке, затем военное училище в Петербурге, Первая мировая, революция, Гражданская... Не очень разбирающийся в реалиях смутной эпохи, в гражданскую сначала воевал на стороне белых, но потом перешёл к красным и служил в Чапаевской дивизии. Мог бы, мог бы этот неприканный, ищущий простого счастья болгарин уйти с белыми за кордон, и вновь задаю я себе вопрос: изменило бы это историю советского атомного проекта?

Как бы там ни было, судьба забросила Александра Дмитриева в Таганрог, где подарила встречу с простой русской девушкой из крестьянского рода – Валей Горьковой. Молодым удалось перебраться в Москву, где они поселились в одном из переулков Старого Арбата. Там, в Москве, морозным декабрьским днём 1924 года и появился на свет Коля – будущий гений математики Николай Александрович Дмитриев.

II.

В жаркий воскресный полдень участковый уполномоченный небольшого мордовского сельца Жегалово бодро пыля сапогами, шагал свободой по своим одному ему ведомым милицейским делам, когда четверо праздных мужиков, куривших на завалинке, принялись энергичными жестами подзывать его. Участковый подошёл, сдвинув форменную фуражку на затылок, присел к компании, и один из курильщиков, несмотря на июльскую жару одетый в замасленную телогрейку, тут же прилип к его уху и засипел:

– Чужой, ходит по деревне, вопросы задаёт. Одет просто, а видно, что не простой... Да вон он!

Действительно, по сельской улице в сторону околицы шагал странный человек. В пыльных добротных ботинках, простеньком пиджачке, на голове светлая легкомысленная кепчонка, за плечами полупустой рюкзачок. По всему – городской. Идёт, посматривает по сторонам, улыбается чему-то... Подозрительный человек. Особенно в свете того, что во-он за тем лесом притаился совершенно секретный объект – потайной военный городок, нет которого ни на какой карте и о котором никто не знает. Не знает даже тот, кто знает. Вот, например, участковый – знает.

А спроси его: знаешь? Ответит: не-а, ничего не знаю. А тут странный чужой человек.

Участковый решительно поднялся и встал на пути у прохожего:

– Здравствуйте. Вы что тут делаете, гражданин, куда идёте?

– Да просто гуляю, – дружелюбно ответил прохожий, – путешествую, так сказать.

Надо ли говорить, что бдительного участкового такой ответ удовлетворить не мог. И не удовлетворил.

– А пройдёте-ка, гражданин, до сельсовета, – предложил участковый.

Прохожий беспокойства не проявил и противиться не стал. А в сельсовете сразу показал паспорт и объяснил, что любит ходить, вот и делает иногда пешие прогулки по окрестностям. А работает как раз за тем лесочком, там, где ничего нет.

– А откуда же вы знаете, чего там нет, если там ничего нет? – строго спросил участковый и принялся звонить в райцентр. Долго сидели у сельсоветского телефона: ждали, пока из райцентра звонили ещё куда-то, потом ещё. Ждали, ждали и, наконец, зазвонил-задрезбезжал телефон и строгий голос в трубке спросил у участкового:

– Как зовут пешехода?

– Дмитриев Николай Александрович.

– Отпустить немедленно! – прогремело в трубке, – так вас раззад! И извиниться!

Между этим, почти анекдотичным случаем и днём, когда на глазах у трёхлетнего Коли Дмитриева арестовали его отца, пролегла долгая и нелёгкая дорога. Александра Дмитриева арестовали и выслали на три года в Сибирь – не забыли его службы у белых. После ссылки опальный болгарин поселился в Тобольске, куда супруге с детьми (к тому времени у них родился ещё один мальчик – Боря) власти позволили приехать в 1930 году. Через год в семье появился ещё один ребёнок – дочка Елена. Жили бедно, но дружно. Стоило бы поблагодарить судьбу, за то, что Александр Дмитриев сам интересовавшийся науками, в том числе и математикой, рано распознал интерес Коли к «циферкам» и стал усиленно заниматься с сыном. Трудные задачи из задачника Малинина и Буренина и даже некоторые из задачника Верещагина, Коля щёлкал, как орешки. Потом отец принёс сыну учебники Киселёва, алгебры, геометрии, и «алгебры и анализа», которые восьмилетний мальчишка, к удивлению родных и близких, читал и, главное, понимал. В конце концов, то, что у ребёнка имеются явные зачатки гениальности, стало ясно всем. И когда в Наркомпросе узнали об одарённом мальчике из Тобольска, организовали его переезд вместе с семьёй в Свердловск, а затем и в Москву.

В столице Колю экзаменовала строгая, скептически настроенная комиссия с участием самой Крупской. Однако девятилетний математик развеял все сомнения скептиков и наделал немало шума в Москве. «У ребёнка чрезвычайно большой объём знаний! – с восторгом делился с журналистами впечатлениями от «экзамена» профессор Чистяков. – Он обладает громадной способностью соображения. Несомненно, мы имеем дело с исключительной одарённостью. За свою сорокалетнюю деятельность я ничего подобного не видел. Приходилось встречаться с замечательными счётчиками, но, к счастью, он не является таким механическим счётчиком, он идёт гораздо дальше. Такие явления встречаются раз в столетие. Этот ребёнок – типа Паскаля...» Статью в газете «За коммунистическое просвещение» о необычном ребёнке так и назвали «Явление, встречающееся раз в столетие. 9-летний математик Коля Дмитриев».

Семья обосновалась в Москве, в комнате общежития Всесоюзного института коммунистического просвещения на Цветном бульваре и началась серьёзная учёба. В образцово-показательную школу им. Радищева, над которой шефствовал знаменитый институт ЦАГИ, приходилось добираться довольно долго, сначала на трамвае, потом пешком. Шола рас-

полагалась в здании бывшего Института благородных девиц. Сначала уроки вместе со всеми, потом – индивидуальные занятия математикой с академиками Николаем Лузиным, Андреем Колмогоровым, опытным и требовательным профессором Мартыном Бергом, которого мальчик очень полюбил. Не менее серьёзным был подход и к другим предметам. Оканчивая школу, Коля знал три языка: французский, немецкий и английский. Вообще, этот мальчишка разбивал все штампованные представления об «узконаправленном» вундеркинде. Когда корреспондент «Комсомольской правды» спросил его, кого он любит читать больше – Майна Рида или Поссэ? Николай ответил: «Знаете, и то, и другое очень интересно!» Вряд ли кто-то из его сверстников, зачитывавшихся Ридом, хоть что-то слышал о «Курсе анализа» Поссэ. При этом бешеные нагрузки не сделали из него отшельника; как и все пацаны его возраста Коля играл и в «войну в Испании», и в «Чапая», а как же – по эпохе и игры; да и дома находилось немало занятых дел: мастерили модели кораблей, воздушные шары из папиросной бумаги. Надо ли говорить, что все расчёты тут выполнял Коля.

Незадолго до войны в семье появился ещё один ребёнок – братик Алёша. Как бы отметить это радостное событие, размышляли старшие дети. – Нужно устроить фейерверк! – решил Коля.

Взяли большую кастрюлю, приготовили «начинку» и поставили на газовую плиту. Грохнуло, запахло порохом и дымом, в панике примчалась соседка, но всё обошлось... А через год этот «пиротехник» участвует в V Олимпиаде Московского математического общества и Механико-математического факультета московского госуниверситета, и получает первую премию. При этом, в отличие от иных, зацикленных на научном предмете «ботаников», мальчишка интересовался всем, что окружало его и был не очень-то восприимчив к внушениям извне, стараясь составить обо всём собственное, основанное на фактах и их анализе, мнение.

– Бога нет! – убеждённо сказала как-то ему родная сестра. Коля задумался и ответил:

– А откуда ты это знаешь?..

Были, были, разумеется, скептики, сомневавшиеся, что из этого уникала вырастет что-то реально ценное для науки. Мало ли мы знаем примеров, говорили они, когда скороспелые яркие вундеркинды, взрослея, неминуемо гасли, оставив след лишь в восторженных статьях пожелтевших газет. Николая, к счастью, такая печальная участь миновала. Он с блеском поступил в вуз – на механико-математический факультет МГУ – и опять признание необычайных способностей и восторженные статьи в московских газетах о пятнадцатилетнем студенте.

Жизнь, однако, не баловала юного гения, как, впрочем, и его предков: в сентябре 1939 года пионер Коля Дмитриев стал студентом, а летом 1941 он под вой сирен тушил сброшенные немецкими самолётами «зажигалки» на крыше дома. Мать с младшими эвакуировалась в Башкирию, отец ушёл в ополчение и пропал без вести. Николай вместе с университетом перебрался сначала в Казань, а потом в Ашхабад. Голод, холод, житейские передрыги... Не раз мир мог лишиться «поцелованного Богом математика».

Эвакуация – не фунт изюма. «Выдумали же люди такое отвратительное слово – «эвакуация». Скажи – отъезд, переселение или временная, всеобщая перемена жительства, – никто бы не стал, вылупив луковицами глаза, ухватив узлы и чемоданы, скакать без памяти на подводах и извозчиках в одесский порт, как будто сзади за ним гонятся львы, – писал советский граф Алексей Толстой в авантюрной повести «Ибикус». – И пошло магнитными волнами проклятое слово по городу. Эва-ку-ация – в трех этих слогах больше вложено переживаний, чем в любой из трагедий Шекспира...» Читая о похождениях Невзорова, студент Николай Дмитриев, вряд ли мог предположить, что ему самому придётся испытать все прелести эвакуации.

Была уже поздняя осень, когда маленький одышливый буксирчик тащил по серой волжской глади большую неповоротливую баржу, битком набитую разношёрстным людом – колхозники с мешками, семьи с детьми, призывники, командированные. Тянулись по сторонам унылые берега, с одной стороны плоскими равнинами, с другой обрывистыми кручами, выбегали к кромке воды голые перелески, медленно проплывали мимо приземистые деревеньки с дощатыми пристанями. Выбравшись из закутка в трюме, Николай пошёл к камбузу за кипятком, загляделся на эти бесприютные берега, поскользнулся и полетел за борт. Толстая ватная телогрейка не дала студенту сразу же уйти под воду. Кто-то услышал всплеск за бортом, его увидели и выловили. Николай не успел даже испугаться, а вот из-за потери чайника очень расстроился.

За несколько военных лет юного гения немало помотало по России. Оказавшись вместе с университетом в Свердловске, вполне мог умереть от истощения – потерял продуктовые карточки, никому не сказал, голодал и в крайне тяжёлом состоянии попал в больницу. И опять-таки невольно возникает вопрос: как бы пошли дела с созданием ядерной бомбы в СССР, если бы... Но он выкарабкался, правда, по физической слабости пропустил учебный год.

Только в 1943 году вместе с однокашниками вернулся в холодную и голодную Москву. Несмотря ни на что, – учёба, учёба, учёба. На исходе войны, едва исполнилось восемнадцать, пытался уйти на фронт, но в военкомате навели справки и – не пустили. В 1945 – Победа и окончание вуза. В дипломе всего две оценки «хорошо» – по политэкономии и военному делу, остальные «отлично». Знай преподаватели, какое отношение студент Дмитриев будет иметь к «военному делу», поставили бы, пожалуй, «отлично». Авансом.

III.

Мир жил предчувствием окончания Второй мировой; американская и советская армии громили Квантунскую армию, Япония со дня на день капитулирует. Но когда в августе сорок пятого к Николаю подошла однокурсница Лида Копейкина и сообщила, что американцы взорвали над Японией «бомбу с ядерной энергией», тот не поверил, решил, что девушка его разыгрывает. Он с детства был реалистом-материалистом, воспитан в несколько скептическом духе типа «акулов не бывает».

– Лида, ну что ты, – авторитетно заявил он, – этого быть не может, это неразумный слух.

Но поверить пришлось. А когда понял, что такое атомное оружие, какой дубинкой в политике оно может стать, ему – человеку с чётким аналитическим мышлением стало совершенно ясно, что большая советская мечта о широкой эволюции к социализму во всём мире под реальной угрозой. Начинаясь холодная война вполне могла перерасти в очень горячую – ядерную. Именно тогда он и сформулировал для себя отношение к проблеме: вот дело, которому стоило бы отдать десять лет жизни или даже всю жизнь – создание советской атомной бомбы. Правда, молодого математика смущало то обстоятельство, что наука СССР в этой области сильно отставала от достижений американцев.

– Знаешь, не очень верить, что это возможно, – делился он с близким другом. – Это требует американской техники, которой у нас нет и не скоро будет...

Но тут Николай Дмитриев ошибся. Всё завертелось и закрутилось с большой скоростью после знакомства с Яковом Зельдовичем и его странного задания «о критических размерах угольного шара, у которого скорость горения пропорциональна температуре». Но через несколько дней слова Зельдовича о том, что «шар не угольный, а урановый, а скорость зависит не от температуры, а от плотности нейтронов» неожиданно приоткрыли завесу тайны. Оказывается, невозможное – возможно!

Советский атомный проект начинался с двух небольших комнат в Нескучном дворце, в доме № 3 по Воробьёвскому шоссе и небольшого коллектива физиков, руководить которыми назначили члена-корреспондента Академии наук СССР, профессора Якова Зельдовича. Да и техника, с помощью которой велись сложнейшие расчёты, сегодня вызовёт лишь недоумённую улыбку – немецкие арифмометры «Триумф» да логарифмические линейки. Иногда, для особо важных расчётов, – электромеханическая счётная машинка «Мерседес». Работали много и трудно, но жили весело – купались в Москве-реке, ходили на танцы, сочиняли стихи и пьесы. А в 1948 году основная часть теоретиков, включая Николая Дмитриева, отправилась в неизвестность – в затерянный в глухих лесах на границе Нижегородчины и Мордовии посёлок, который на одних картах значился как Сарова, на других как Саров. Крохотный рабочий городок, в котором работал небольшой военный завод, во время войны выпускавший снаряды для знаменитых «катюш», был обнесён несколькими рядами колючей проволоки, следовой полосой и под псевдонимом «Объект» наглухо засекречен. Даже поезд из Москвы шёл туда исключительно по ночам. Какими только «позывными» ни обозначали в секретных бумагах этот городок в течение нескольких десятков лет: «Москва-Центр-300», «Горький-300», «Кремлёв», «Арзамас-75», Арзамас-16», пока в 1995 году ему, наконец, не вернули настоящее имя – Саров.

О городке этом в окрестных сёлах ходили удивительные слухи: мол, всё там под землёй, даже аэродром, но достоверно никто ничего не знал. Слышались только порой по ночам глухие взрывы из окружавших объектов лесов. «Испытывают», – говорили селяне. Впрочем, разговоры на эту тему очень не поощрялись.

Венера Сергеевна гордилась своим мужем – химиком. Совершенно не разбираясь в химии, она хорошо разбиралась в людях. С таким человеком не пропадёшь. Из небольшого городка под Харьковом они перебрались в Харьков, а потом и в Москву. Венера Сергеевна надеялась, что не за горами и поездка в Европу. Конечно же, она не обрадовалась, когда муж, вернувшись однажды с работы буднично сказал:

– Собирай вещи, Венера, мы уезжаем.

– За границу?

– Нет, не за границу, ответил муж, – а куда так и не сказал, нельзя – секрет.

Хмурым утром пассажирский поезд, продравшись сквозь тёмную ночь, дрогнул, лязгнул сцепками и остановился среди дремучего леса. Венера Сергеевна выглянула в окно. Колючая проволока, автоматчики с крупными восточно-европейскими овчарками на поводках, в вагон вошли суровые военные, принялись придирчиво сверять документы с паспортами, дотошно осматривать багаж. А когда чуть позже по дороге к гостинице она увидела из окна машины колонну зеков, идущих на работу, – расплакалась.

Да, деньги тут платились хорошие и условия создавались отменные, но – колючая проволока, невозможность в любое время выехать «за зону», пригласить в гости друзей и родственников... Это только через пару десятков лет многие осознали прелести жизни в закрытом городе. Не напрасно же о таких «объектах» стали говорить: тут построен коммунизм в отдельно взятом городе. И если окрестные селяне говорили, что в саровских магазинах всё есть, то были недалеко от истины, в магазинах закрытого города действительно было почти всё... Впрочем, ни Николай Дмитриев, ни десятки других истинных учёных и инженеров, понимавших всю грандиозность поставленной перед ними задачи, не задумывались о бытовой стороне вопроса. Работа на «Объекте» шла бешеными темпами и проявила всю глубину таланта молодого математика. Это осознавали все, включая Зельдовича, который, по уверениям коллег, не принимал ни одного, пожалуй, серьёзного решения, «не посоветовавшись с Колей». Впрочем, эту фразу – «надо посоветоваться

с Колей» – не раз слышали и от других руководителей атомного проекта. А что уж говорить о его рядовых участниках – «Спроси у Николая Александровича...», «Коля так не считает...», «Я думаю, лучше Дмитриева никто с этим не разберётся...» Скоро Коля, Николай Дмитриев превратился в Николая Александровича – человека уважаемого и до определённой степени незаменимого.

В 1948 году он выполнил одну из самых значительных своих работ – развил теорию неполного взрыва. Этим вопросом в американском атомном проекте занимался Р. Пайерлс, имевший в своём распоряжении огромные ресурсы. Позже выяснилось, что результаты, полученные Дмитриевым с помощью логарифмической линейки и арифмометра, удивительным образом совпали с экспериментальными данными Пайерлса, пользовавшегося вычислительной техникой.

Бомба была создана и испытана. Получены очередные награды и звания. Казалось бы, можно расслабиться, успокоиться; но жизнь текла своим чередом, а политическая обстановка в мире теплее не становилась, началась гонка по принципу «чья бомба мощнее». К тому же появление атомного оружия потребовало разработки средств защиты от него. В начале пятидесятых встал вопрос о необходимости совершенствования системы противовоздушной обороны. Дмитриев и здесь сказал своё веское слово, выполнив работу по созданию противоракет и совершенствованию системы ПВО.

IV.

Понять степень гениальности Дмитриева человеку, не связанному с математикой или физикой, почти невозможно. Но поверим его коллегам – наверное, никто так точно и ярко не расскажет о человеке, как люди, десятилетиями трудившиеся с ним бок о бок, работавшие рядом из года в год. Особенно если эта работа – целая эпоха не только в жизни конкретных учёных и инженеров, но и – без преувеличения – в истории мира. «Широкая публика», как уже сказано, мало что знает о Дмитриеве. А вот среди коллег-учёных вряд ли сыщется хоть один, кто не выразил своего восхищения этим человеком.

Академик Юрий Алексеевич Трутнев: *«Николай Александрович был, конечно, совершенно феноменальным специалистом. Полученные им результаты... – это классические труды. Строгие и очень ясные. Он умел сложнейшие вопросы разработать и объяснить, казалось бы, просто. На самом деле его суждения и выводы были очень глубокими».*

Доктор физико-математических наук, профессор, лауреат Ленинской премии Владимир Николаевич Родигин: *«Он был непревзойдённым мастером численных расчётов. Его орудием производства долгие годы оставался обычный ручной арифмометр «Феликс». Удивительно было наблюдать со стороны, как он получал нужный результат, покрутив сначала ручку арифмометра несколько раз вперёд, а потом назад. На мой вопрос, как ему удаётся делать сложные расчёты таким простым образом, он ответил: «А многие цифры я просто помню наизусть и пользуюсь ими при вычислениях».*

Память у математика Дмитриева была действительно феноменальной.

Физик, лауреат Ленинской премии и премии Правительства РФ Владислав Николаевич Мохов: *«Если бы не было в КБ-11 трёх специалистов: А.Д. Сахарова, Я.Б. Зельдовича и Н.А. Дмитриева – то интеллектуальный уровень коллектива института и эффективность его работы были бы намного ниже».*

И это не преувеличение. Всех поражала его феноменальная способность находить простые решения сложнейших проблем. Недаром среди учёных ходили байки типа: «Какой самый быстрый способ решить сложную задачу? Нужно пойти к Дмитриеву и попросить решить».

Руководитель математического отделения ВНИИЭФ в 1966-2001 годах Иван Денисович Софронов: *«По моему мнению, он ни в чём не уступал ни Сахарову, ни Зельдовичу и превосходил всех остальных, вместе взятых... Начинал всё Н. А. Дмитриев, он был первым человеком в Союзе, который для тех маломоощных машин, какие имелись тогда, стал разрабатывать двумерные программы. Мы их начинали разрабатывать, не имея машины. Когда она у нас появилась, то первой контрольной задачей, сосчитанной на ней в процессе приёмки, была задача, решённая по программе «Д»...»*

Академик Я.Б. Зельдович: *«У Коли, может, единственного среди нас искра Божия. Можно подумать, что Коля такой тихий, скромный мальчик. Но на самом деле мы все трепещем перед ним, как перед высшим судьей».*

Но, пожалуй, ярче всего характеризует математика Дмитриева и отношение к нему собратьев-учёных курьёзная, похожая на легенду история, рассказанная однажды Юлием Борисовичем Харитоном, полвека руководившим Федеральным ядерным центром: *«Когда появились электронно-вычислительные машины, я решил посоветоваться с академиком А.Н. Колмогоровым о том, какие машины стоит приобретать и как организовать их использование. А.Н. Колмогоров ответил: «Зачем вам электронно-вычислительные машины? У вас же есть Коля Дмитриев!»*

Недаром, совсем недаром и без всякого преувеличения Ю.Б. Харитон называл Николая Дмитриева звездой.

V.

Мог ли простой поп, подвизающийся где-то на юге Балкан, вообразить себе, что его правнук будет жить в далёкой России и окажется причастным к созданию мощнейшего ядерного оружия? А корпеть над неразрешимыми почти задачами правнук будет не где-нибудь, а в стенах монастыря, в котором его собрат по духу, пламенный монах Серафим провозгласил: «Стяжи дух мирен...» Однако именно так и случилось – советская атомная бомба появилась именно в Сарове, практически в стенах монастыря, известного своим подвижником Серафимом. Парадокс? Ну, действительно: где бомба, а где – «стяжи дух мирен»? Немало учёных, приложивших руки к созданию атомного оружия, впоследствии раскаивались в этом. И наши советские, и американские. Даже у жизнерадостного гедониста Зельдовича были по этому поводу душевные переживания. Конечно, всё-таки это было правильно. Хотя...

В ответ на эти сомнения Дмитриев абсолютно твёрдо возражал:

– Для меня то, что создание советского атомного оружия безусловное благо – нет ни малейшего сомнения, – сказал он однажды в беседе с Яковом. – Мы только что вышли из войны, страшной и беспощадной. А после взрывов в Японии стало ясно – следующая война возможна и реальна, если у нас не будет такого же оружия, как у американцев. Так что для меня это не морально-этическое, а чисто политическое решение.

Всякий раз в спорах о «моральности-аморальности» работы над ядерным оружием Дмитриев повторял:

– Я считаю, что более полезного, чем атомная бомба, в то время ничего не было! Она сдерживала угрозу войны. Что бы там ни говорили сегодня, но это именно так!

Странные вещи случаются порой в жизни. Дмитриев искренне придерживался коммунистической идеологии и даже вёл политсеминары для коллег-теоретиков, при этом партийные функционеры его недолюбливали. И это понятно: принцип «раз партия так решила – значит, это безоговорочно верно» был не для него. Иной раз, прочитав в газете официальную статью, мог с автором горячо поспорить, организовать дискуссию на «скользкую» тему. Чего стоит одна только его фраза в письме в главную официальную газету СССР «Правда»: «Газетам верить в Совет-

ском Союзе не принято!» Какому партийному боссу такое понравится?! Рано или поздно это должно было привести к серьёзному «внутрипартийному» конфликту. Случилось это на почве несогласия Дмитриева с оценкой партийными начальниками нашумевшего в те годы романа Дудинцева «Не хлебом единым». «Несознательного» математического гения исключили из рядов КПСС. Правда, ненадолго – в Горьком, в областном комитете компартии, видимо, решили, что Дмитриев не так уж и неправ, и решение горкома отменили.

Вообще, считается, что гении такого масштаба, люди, «утонувшие» в науке, обыкновенно плохо разбираются в житейских мелочах, да и вообще в реальной жизни. Приводят в пример байки о Сахарове, который в отсутствие уехавшей в отпуск жены пытался жарить неотваренные макароны или выходил из дома в ботинках разного цвета. Гений в представлениях среднестатистического обывателя – это такой доктор Гаспар, близорукий и в прямом, и в переносном смысле. Вот уж ничего подобного нельзя было сказать о Николае Дмитриеве.

«Он прекрасно понимал всю сложность реальных жизненных ситуаций, тонкости политики, необходимость компромиссов и манёвров, возможность погони руководителей и политиков за своими личными, корыстными интересами, – писал позднее в воспоминаниях о нём всё тот же хорошо знавший его Мохов. – Это был необычайно прозорливый человек, хорошо знавший историю и роль в ней личности».

«Происшествие» с исключением из партии лишь укрепило авторитет Дмитриева и никак не повлияло на его политические убеждения, не заставило быть осторожнее. Политсеминары его были по-прежнему остры, а темы дискуссий порой бросали в жар партийных начальников. Иногда в таких дискуссиях участвовал и будущий опальный академик А.Д. Сахаров. Дмитриев ничего плохого в том, что Сахаров стал заниматься правозащитной деятельностью, не увидел. Однако, не одобряя многого в официальной политике руководства страны, он также далеко не всё одобрял и в воззрениях Сахарова. Сахаров в свою очередь, не разделяя коммунистических взглядов коллеги, уважал его за прямоту и внутреннюю честность.

«Он единственный с объекта, кто открыто приходил ко мне после появления «Размышлений о прогрессе», потом «О стране и мире», – вспоминал позднее Сахаров, – с просьбой дать их почитать и обсудить. Мои взгляды казались ему совершенно неправильными, но спорил он со мной по-деловому». Дмитриев и позднее, когда Сахаров попал в опалу и был сослан в Горький, не боялся приезжать к нему. Один из всей когорты знаменитых ядерщиков. Соглашаясь с Сахаровым в том, что «недостаток уважения к правам граждан составляет одну из основных политических проблем» СССР, он считал, что проблема эта партией осознана и может быть решена. Не стоит, внушал он оппоненту, вмешивать в это «мировую общественность». Математический склад ума говорил Дмитриеву: всё, о чём говорит Сахаров, в той или иной степени присуще не только социализму. «Мало ли имеется в истории, и в настоящее время вполне капиталистических обществ с диктаторскими режимами», – писал он в одном из своих материалов, готовясь к очередной встрече с опальным академиком. Они не могли сойтись во мнениях. И не сошлись. Подводя итоги одной переписки с Сахаровым, Дмитриев констатировал: «С адресатом обсуждены вопросы и достигнуто полное *разногласие*».

Впрочем, не будем уходить в тонкости политических разногласий этих двух гениев. Жизнь показала и правоту, и ошибки обоих...

VI.

В Сарове волей госзаказа «создать нечто из ничего» собралось множество «технарей» – физики, химики, математики, инженеры всевозможных специализаций, но многие, многие из них не чужды были и лирики –

кто-то занимался литературным творчеством, кто-то в художественной самодеятельности участвовал, многие рвались из-за «зон» в походы. Туризм оказался популярным хобби в секретном городе.

Вот так начнёшь вникать в жизнь человека из другого мира, а вдруг оказывается, что мир-то общий. Нежданно выяснилось, что дальняя моя родственница – троюродный плетень двоюродному забору – Тоня Романцова, оказывается, не только была знакома с великим математиком, но и водила семью Дмитриевых в байдарочные походы. Машины у Дмитриевых никогда не было, зато были свои байдарки – те ещё, с деревянным каркасом, «Салюты», на которых весёлой и дружной кампанией ходили они походами по рекам и озёрам. И по ближним – Мокше, Серёже, Пре, Буже и Мещерским озёрам, и по неблизкой Чусовой. Так что тягу к перемене мест математик Дмитриев удовлетворял регулярно. Мог взять нехитрый перекус и отправиться в одиночку по окрестным сёлам за десятком километров от Сарова с ночёвкой в каком-нибудь попутном сельце... Впрочем, что там окрестности. Однажды решил исполнить свою давнюю мечту – уехал на Кавказ и больше двухсот километров отшагал по Военно-Грузинской дороге через Крестовый перевал. Мне довелось проехать этим маршрутом на автомашине, и я понимаю, что значат эти двести километров...

Те, кому посчастливилось подружиться с Дмитриевыми, вспоминают о них со светлым теплом. Как бы ни был загружен глава семьи «атомной работой», а для жены и детей у него всегда находилось время. Приходили гости, супруга – Людмила Васильевна – играла на фортепьяно, а когда включали проигрыватель, хозяин дома всех дам приглашал на танец. За столом Николай Александрович правилу «когда я ем, я глух и нем» не следовал, любил поговорить, поощрял «умные беседы». Мог и озадачить. Однажды среди семейного застолья встал и произнёс тост:

– За воинов Первой мировой войны!

Не сразу гости вспомнили, что дед математика воевал в Первую мировую... Учёным сухарём он не был, а был он не только остроумным математиком, но и просто остроумным, весёлым человеком. Однажды супруга купила ему новые тапочки-шлёпки – без задников; сегодня они привычны, а тогда только-только появились в продаже. Николай Александрович надел их и сказал:

– Тапочки системы «ни шагу назад».

Смотришь на черно-белые семейные фото, сделанные когда-то простенькой «Сменной-8», и представляешь себе: тёмная комната (ванная?), красный фонарь, в кювете с проявителем проступают на белой бумаге очертания реки, байдарки и сидящих в ней людей, и их весёлые лица... Фотограф улыбается и отправляет фото в ванночку с закрепителем. Завтра будет работа, новые проблемы и задачи, а сегодня – дом, тихое семейное счастье.

VII.

Кто-то из коллег-физиков сказал однажды о Дмитриеве: «Блеза Паскаля знают миллионы, а кто сегодня слышал про Николая Александровича Дмитриева? Только люди, имеющие отношение к атомному проекту...» Как ни печально – этот так. Да, они все были «засекреченными», но позже, когда советский атомный проект перестал быть гостайной, их имена зазвучали с разной степенью громкости. Раньше всех «нашумел», конечно же, Сахаров, позже появились из небытия секретности Зельдович, Харитон и другие, что называется, рангом пониже и талантами поуже. Дмитриев если и упоминался, то как-то вскользь, вполголоса.

Как это ни странно, великий математик так и не получил докторскую степень, не стал академиком. Его-то самого это несколько не печалило и не задевало – никогда не думал он о карьере, о наградах и продвижении «наверх». Да и принципиальная независимость суждений гениального

математика вызывала, как уже сказано, раздражение у начальства, что вряд ли способствовало продвижению по карьерной лестнице. Как бы горячо ни спорил он с Сахаровым, а когда узнал о его голодовке, лишь он один из всех коллег-ядерщиков рискнул написать генсеку Леониду Брежневу письмо с тревогой о здоровье академика. Впрочем, не рискнул – просто написал, поскольку считал, что должен это сделать.

Один из физиков-ядерщиков «первой волны», с которым мне довелось беседовать о становлении Ядерного Центра, на вопрос о том, отчего Николай Александрович Дмитриев оказался «задвинутым» на второй план, задумчиво ответил:

– Отчасти он сам в этом виноват... В науке иногда умение себя подать играет не менее важную роль, чем собственно достижения. А он подавать себя не умел... Или не хотел... А скорее всего, даже не задумывался над этим.

Говорят, ему предлагали присвоить учёную степень доктора физико-математических наук «за совокупность научных трудов по созданию атомной бомбы» без формальной защиты диссертации. Николай Александрович отказался. Тот редкий случай, когда человек получал удовольствие от действительно важных, глубинных вещей, от самой работы, а не от её материальных и имиджевых дивидендов. Он действительно совершенно искренне считал, что ни звания, ни награды не сделают его ни умнее, ни лучше, ни счастливее. Он жил в обычной «трёшке» в обычном доме, в то время, когда многие его коллеги (в том числе, прямо скажем, не столь выдающиеся) располагались в шикарных по тем временам коттеджах. Видимо, скромность и своеобразное отношение к жизни свойственно всему роду Дмитриевых.

Много лет назад я пришёл в саровский аэроклуб, чтобы научиться летать на парашлане. Наставником моим стал Василий Дмитриев. Простой, спокойный человек со своеобразным чувством юмора. Мы летали с ним и в окрестностях поныне закрытого Сарова, и в Крыму, сидели у костра, пели песни под гитару, а вот о том, что он сын великого математика, я узнал совершенно случайно много лет спустя. Работая в Федеральном ядерном центре, в свободное время Василий, влюблённый в небо, то в собственном в гараже, то в каких-то заброшенных цехах своими руками строил дельтапланы и легкомоторные самолёты. Однажды ему предложили перейти в маленькую частную авиафирму, изготавливающую те же дельтапланы и авиетки. Друзья убеждали не бросать надёжное место в госпредприятии. А Вася, улыбаясь, говорил: «Я там летать смогу, да мне за это ещё и платить будут!» И ушёл.

* * *

В Сарове многое напоминает о людях тех романтических времён – есть улицы Музрукова, Сахарова, Духова, Харитона... Есть даже кафе с брутальным названием «Кузькина мать». Недавно в городском сквере появился памятник Андрею Сахарову. Учёный расположился на скамеечке в окружении каштанов, рябин и клёнов совсем недалеко от дома, в котором жил Николай Дмитриев. Улицы Дмитриева, однако, в Сарове нет. Единственное, чего удалось жителям города добиться от властей, – установки великому математику памятной доски на стене сталинки, в которой он жил.

В рабочем кабинете Николая Александровича Дмитриева висела рабочая доска, на которой постоянно красовалась надпись: «Спешит медленно!» Он так и жил. Делал всё не спеша, вдумчиво и качественно. И столько успел.

Учёный математик, тихий гений из Сарова Николай Александрович Дмитриев до конца своих дней остался верен коммунистической идеологии и тяжело переживал крушение Советского Союза. Он тогда уже, задолго до сенсационного для многих высказывания нынешнего президента понимал и говорил, что развал СССР – это крупнейшая гумани-

тарная катастрофа столетия, он ходил на демонстрации, пытался объяснить людям, куда приведёт их революционный азарт, он не поступился принципами и был уверен, что итоги перестройки принесут немало бед стране, которой он отдал столько сил. Правоверный коммунист, однажды он написал: «Чтобы делать политику вполне честно, надо встать на уровень Иисуса Христа» и «Кто хочет быть гуманнее Иисуса Христа, рискует сильно ошибиться, а кто считает возможным предъявлять моральные требования ниже, чем предъявляет марксизм (хотя бы на словах), рискует далеко зайти». Что ж, сегодня каждый может сам решить, насколько далеко мы зашли...

Иногда маленькая деталька, незначительный на первый взгляд штрих, не замеченный окружающими поступок больше говорит о человеке, чем многостраничные исследования, дотошные характеристики или подробные анкеты. Для меня таким штрихом стали строчки о Николае Дмитриеве в воспоминаниях академика-диссидента Андрея Сахарова: «В его позиции по этим вопросам ярко проявилась абсолютная интеллектуальная честность, острый парадоксальный ум. Коля был одним из немногих, не обменявших медаль лауреата Сталинской премии на медаль лауреата Государственной премии...»

Саров, январь-февраль 2022 г.